

© 1996 г., ЭО, № 6

М. И. Роднов

ЧИСЛЕННОСТЬ ТЮРКСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА УФИМСКОЙ ГУБЕРНИИ В НАЧАЛЕ XX в.

Этнические процессы среди башкирского и татарского населения Южного Приуралья в конце XIX—XX в. до сих пор остаются предметом научных дискуссий. Резкие изменения в численности этих народов, наличие смешанных групп населения, воздействие до 1917 г. сословного фактора, влияние в советское время политики региональных элит автономных республик, экономические и другие перемены по-разному толкуются исследователями. Одной из причин такого положения является узость источниковой базы, особенно в отношении начала XX в. Значительную роль в решении этих вопросов могут сыграть данные все-российской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г., проведенной накануне Октября (в основном летом 1917 г.), в которой отразились этнические процессы в крае в дореволюционную эпоху.

Нами обработаны подворные карточки переписи 1917 г. по трем уездам Уфимской губернии — Белебеевскому, Бирскому и Уфимскому, охватывавшим территорию современного северо-западного и центрального Башкортостана, где происходили (и происходят ныне) наиболее сложные этнические процессы среди тюркоязычного населения. Поуездные и погубернские итоги переписи 1917 г. уже публиковались¹. Сопоставление наших подсчетов с изданием 1923 г. показывает совпадение цифр, например, по Бирскому уезду почти на 100% (табл. 1)².

Незначительное количество подворных карточек было утеряно во время самой переписи и не вошло в подсчеты земских статистиков. Кроме того, к сожалению, отсутствуют карточки по единичным деревням, например, Ново-Кыргинской волости Бирского уезда. В целом же наши подсчеты охватывают практически все население.

Перепись 1917 г. проводилась в условиях, когда Россия ненадолго стала одним из самых свободных, демократических государств мира. Здесь формировались разнообразные национальные движения всевозможной политической ориентации. Свобода и равенство народов провозглашались официальной политикой новой России. Нет никаких фактов, свидетельствующих о каких-то притеснениях, заранее намеченных установках при определении национальной принадлежности в ходе переписи. Кроме того, перепись 1917 г. была сельскохозяйственной и решала иные задачи. Вопрос о национальности относился к второстепенным, не основным вопросам переписи. И, кстати сказать, итоги переписи по национальному составу так и не вошли ни в одно издание. В Центральном государственном историческом архиве Республики Башкортостан (далее — ЦГИА РБ) сохранились предварительные подсчеты национального состава по деревням ряда уездов губернии, хотя по Бирскому уезду они отсутствуют³. Это заставляет нас предположить, что местные статистики не провели общегубернского подсчета населения по национальностям⁴.

Сведения о национальной принадлежности взяты нами непосредственно из первичных материалов — подворных карточек, т. е. учитывался ответ самого крестьянина на вопрос, кем он себя считает. Часто домохозяин определял свою национальность так: мусульманин, тюмен, мишар-башкир и т. д. В процессе

Основные итоги переписи 1917 г. по Бирскому уезду

Результаты	Число		Площадь посевов	Число рабочих лошадей
	хозяйств	жителей		
Наши подсчеты	118 875	670 032	528 293	176 316
Данные 1923 г.	118 043 (наличных)	670 050	526 648	175 996
	120 866 (всего)			

обработки первичных материалов всех переписей (например, 1989 г.⁵) такие ответы, выходящие за рамки официально установленного списка народов (в начале XX в. — башкиры, татары, тептяри, мишари, в конце XIX в. — башкиры и татары), исключались, согласно тогдашним взглядам на этнический состав населения. Так было и при подведении первичных итогов переписи 1917 г. в Уфимской губернии (исключались тюмены)⁶. Мы же сохранили всю пестроту, все разнообразие ответов крестьян.

Единственный момент, который не регистрировала перепись в определении национальной принадлежности, — это смешанные, межнациональные браки (национальность указывалась только у домохозяина, главы семьи). Для Северо-Западной Башкирии большинство специалистов признают значительный удельный вес в XVIII—XIX вв. смешанных семей (тептяро-башкирских, татаро-башкирских и прочих)⁷, хотя цифровых данных, касающихся начала XX в., не имеется. Поэтому можно допустить, что татаро-башкирские браки взаимно «перекрывали» друг друга и на итоги принципиально не повлияли. Кроме того, национальность детей у указанных народов определяется преимущественно по отцу. В любом случае исправить эту погрешность нет никакой возможности и изучение межнациональных браков — дело будущих исследователей.

В табл. 2—4 приведены данные о численности тюркского крестьянства трех уездов Уфимской губернии в сопоставлении с материалами всероссийской переписи 1897 г. (в которой определялся родной язык, а не национальность)⁸ и губернской переписи 1912—1913 гг.⁸ (сведения без уездных городов).

Как видим, во всех трех уездах зафиксированы одинаковые результаты: «сокращение» численности башкир (с 606 тыс. в 1897 г. до 542 тыс. в 1912—1913 гг. и 460 тыс. в 1917 г.) и татар (с 66 тыс. в 1912—1913 гг. до 50,5 тыс. в 1917 г.), возрастание численности тептярей (до 274 тыс. в 1917 г.) и мишарей (до 154 тыс.), появление в переписи 1917 г. новых этнических групп. Одинаковые данные получены по уездам, различающимся по своему национальному составу. Если в двух уездах тюркское население составляло большинство — в 1917 г. 63,3% в Белебеевском и 57,1% в Бирском, то Уфимский уезд был самым «русским», здесь тюркское население насчитывало лишь 35,7% всех жителей.

Полученные результаты в целом согласуются с уже высказанным в литературе по этнографии башкир пониманием этнических процессов у татар и башкир в XIX—XX вв.: «резкий спад численности татар и, напротив, повышение численности башкир с 1857 по 1897 г.»; в составе башкир специалистами было учтено «около 350—400 тыс. мишарей и тептярей»⁹, а затем произошел «обратный отлив значительной части „новобашкир“ в соответствующие национальности»¹⁰.

Я в основном разделяю эти взгляды, но считаю необходимым существенно их дополнить и уточнить на конкретном материале, отказавшись от ряда неточных, с моей точки зрения, положений. Так, совершенно неоправданно эти «переливы» национальностей связываются с самосознанием. Этническое самосознание предполагает наличие определенного культурного уровня, осознанного выбора и т. д.

Численность тюркского крестьянства Белебеевского уезда, человек

Национальность	1897 г.	1912—1913 гг.	1917 г.
Башкиры	232 676	212 965 *	184 878
Мишари	2 602	22 440	40 258
Тептяри	6 889	91 200	138 781
Татары	47 996	47 440 **	36 731
Мусульмане			3 269
Тюмены			230
Всего мусульман	290 163	374 045	404 147
Всего населения в уезде	427 344	570 176	638 748

* Включая 105 крещеных башкир.

** Включая 4886 крещеных татар.

Таблица 3

Численность тюркского крестьянства Бирского уезда, человек

Национальность	1897 г.	1912—1913 гг.	1917 г.
Башкиры	261 855	232 977 *	208 579
Мишари	2 058	45 079	63 966 **
Тептяри	415	53 448	81 815
Татары	2 165	17 287	13 111 ***
Мусульмане			14 812
Всего мусульман	266 493	348 791	382 283
Всего населения в уезде	489 107	595 012	670 032

* Включая 108 крещеных башкир.

** Включая мишарей-тептярей (7 человек) и мишарей-башкир (14 человек).

*** Включая 604 тептярей-татар.

Видимо, более правильным для крестьянства рубежа XIX—XX вв. будет говорить только о самоназвании и в первую очередь о самоназвании татар.

По мнению А. Х. Халикова, С. Х. Алишева и других историков, к моменту покорения русскими Казанского ханства в середине XVI в. местное тюркское население называло себя казанцами (казанлык), мусульманами или булгарами (болгарлык). Определение «татарин» было непопулярно. Современник отмечал, что «если их называют турками (татарами), они недовольны и считают это как бы бесчинством. Название же бесермяне (мусульмане) их радует». Этноним (экзоэтноним) «татары» постепенно утверждался под влиянием русских, которые так называли всех тюркоязычных жителей империи. В XIX в. татарская национальная буржуазия, интеллигенция, духовенство в своем стремлении к самоутверждению, сплочению перед русско-христианским миром, изучении собственного исторического прошлого, обращаясь к эпохам Чингисхана и Золотой Орды, также воспринимает этноним «татары» не как «воры», «бусурмане», а как нечто значительное. В народные же массы, в особенности в сельское население, этноним «татары» проникал тяжело. Так, в 80-е годы XIX в. Ш. Марджани ругал татар за то, что они не принимают названия «татары», а называют себя мусульманами и

Численность тюркского крестьянства Уфимского уезда, человек

Национальность	1897 г.	1912—1913 гг.	1917 г.
Башкиры	111 342	96 421	66 760
Мишари	1 098	39 732	49 445 *
Тептяри	8 929	25 676	53 400 **
Татары	1 999	1 182	646 ***
Мусульмане			56
Всего мусульман	123 368	163 011	170 307
Всего населения в уезде	323 631	406 703	477 306

* Включая 15 человек: мишарей-башкир (6 человек) и мишарей-тептярей (9).

** Включая 55 магометан-тептярей.

*** Включая 20 магометан-татар.

казанцами. В татарской печати шла оживленная дискуссия о названии народа, агитация за новой этноним. Но еще в конце XIX в., по свидетельству Г. Ибрагимова, «на человека, который называл казанского мусульманина татаринном, нападали с кулаками, считая такое название оскорбительным». Академик В. В. Бартольд констатировал: «Перед революцией 1917 г. поволжские тюрки после некоторых споров приняли название „татары“»¹¹.

Основная масса татар (и мишарей) переселилась в Башкирию в XVIII в.¹², задолго до того, как под влиянием русских и благодаря усилиям образованных верхов общества, население восприняло самоназвание «татары». Причем ни один из принесенных с собою этнонимов не мог дальше функционировать в Уфимской губернии: ни локально-территориальный «казанцы», ни религиозный «мусульмане» — вокруг были такие же мусульмане башкиры, ни архаичный, во многом забытый «булгары». Оставшиеся без собственного имени тюркоязычные переселенцы из Среднего Поволжья назывались в основном по своему сословному разряду — тептяри (ранее и бобыли), мещеряки (мишари), которые, наряду с башкирскими и русскими казаками, «рассматривались как военное сословие»¹³.

С возникновением в 1798 г. кантонной системы почти все тюркоязычное (а также, например, марийцы) население края, так или иначе связанное с особым военно-службым состоянием башкир и мишарей, постепенно начало именовать себя башкирами. Термин «башкиры» стал общим, единым названием вотчинников и припущенников. Как подчеркивал местный статистик и краевед Н. А. Гурвич, «известно, что слово башкир употребляется двояким образом: во-первых, в смысле административно-сословном, а во-вторых, в смысле этнографическом, генетическом или племенном. В первом случае оно объемлет собою не одно чисто башкирское племя, а несколько, именно черемис, мещеряков, вотяков и бывших тептярей (последние три племени известны в народе со времени причисления их к башкирскому сословию под именем новых башкир»¹⁴. Н. А. Гурвич точно подметил, что слово «башкир» приобрело административный, сословный смысл, но часть тюркоязычного крестьянства Башкирии восприняло его в качестве этнонима.

Вероятно, можно согласиться с мнением этнографов, что этот процесс развернулся с 1840-х годов¹⁵. Данные А. З. Асфандиярова также показывают, что примерно с восьмой ревизии (1834 г.) или после нее в ряде деревень «исчезают» мишари и тептяри, «остаются» одни башкиры. Так происходило в деревнях Тупево, Кадырово, Снгрязново¹⁶ современного Илишевского р-на и др.

Название «башкир» воспринимает значительная часть тептярей. Их положение уже с конца XVIII в. приближалось к положению военно-служилого

сословия башкир-вотчинников. С 1790 г. из тептярей формировался казачий полк. В административном отношении они также делились на команды и примерно с 1798 г. перешли в ведение оренбургского военного губернатора. Комплектование и содержание тептярского полка давало возможность тептярям считать себя на особом положении, близком к башкирскому¹⁷. Наконец, в 1855 г. тептярей присоединили к башкиро-мещерякскому войску.

Еще более близким к башкирам было положение мишарей, которые изначально обособались в крае как военно-служилая группа населения. Н. А. Гурвич даже уверял, «что слияние мещеряков с башкирами в один этнографический элемент, или пожалуй даже племя... есть этнографически совершившийся факт, против которого бессильны какие бы то ни были административные или фискальные мотивы разъединения»¹⁸.

Перепись 1897 г. и отразила эти процессы, когда практически все тюрки-мусульмане Бирского (262 тыс. из 267), Уфимского (111 тыс. из 123) и подавляющее большинство Белебеевского (233 тыс. из 290) уездов ответили, что говорят на башкирском языке. Напомним, что во время этой переписи выясняли родной язык¹⁹.

Рассмотрим конкретный случай. Примерно во второй половине XVII в. на берегах небольшой речки Евбазы, притока Белой, что в современном Дюртюлинском р-не, поселились татары-мишари, основав деревню с характерным названием Казакларово (впоследствии Большое Казакларово Асяновской волости Бирского уезда). В 1713 г., утерев оригинал купчей, казакларовцы заказали в Бирске крепостных дел подъячому Ивану Донзакову копию (новую купчую): «Лета 1713 года февраля в 19-й день, Уфимского уезда, Казанския дороги Елдяцкие волости деревни Мунняковой башкирцы Кенгул Кулушев, Балта Муннаков, Султанай Балтугушев с товарищи дали сами в Бирску сию на себя запись тое же Казанской дороги деревни Казаковы служилым татарам Ижбулату Мунякову, Осману Романову, Енгуату(?) Алмаеву, Сарманаю Сафарову, Усею Мамакову с товарищи, для того в прошлых годах деды наши и Янгулов Хволтин с товарищи отдали в вотчине своей их Ижбулатову и Османову дедам с товарищи поселиться усадьбою тое деревню Казаковой и под пашню земли и сенные покосы и рыбныя и птичьи и звериные ловли...» «и в том была у них писана запись и та запись потерялась, а межи и урочища в той вотчине отдано с устья речки Евбазы, вверх по Белой реке до Шпилинской межи...»²⁰.

Впоследствии от Большой Казакларовой, видимо, отпочковались Зейлево и Учпили, а затем, в самом конце XIX — начале XX в., появились Мало-Казакларово, Ново-Зейлево. К 1912 г. они образовывали единое сельское общество (кроме Ново-Зейлево)²¹.

7 июня 1791 г. жителю д. Зейлево мещеряку Абдулмазиту Задигарову регистратор Михайло Ребелинский выдал еще одну копию с этой купчей²². По 10-й ревизии (1859 г.) жители Зейлево — мещеряки²³. По данным за 1870 г., в Казакларово, Зейлево проживали мещеряки, в Учпилях — тептяри²⁴.

Сохранившиеся документы по земельным спорам и жалобам в пореформенный период дают интересный материал, кем считали себя сами казакларовцы. И уже в жалобе 1866 г. стоит: «Мы, нижеподписавшиеся... деревень Казакларовой и Зейлевой, из мещеряков башкиры и все домохозяева»²⁵. В 1890 г. (шло размежевание, т. е. определение точных границ земель между вотчинниками и припущенниками тамошней башкирской родо-племенной Елдякской волости Сатлыгановой тюбы) крестьяне трех деревень (Казакларово, Зейлево, Учпили) обратились в уфимское губернское по крестьянским делам присутствие с заявлением. Сообщив, что их предки в 1713 г. купили землю, крестьяне обратились с просьбой отдать им эту землю «в личную их общественную собственность». В доверенности на имя титулярного советника Мефодия Александровича Конопасевича, которому поручили вести дело, собственной рукой стоит подпись — «поверенный башкир деревни Казакларовой Ахуньян Шарипов». Больше никто русскую грамоту не знал, и «вместо неграмотных поверенных башкир дер. Успелей Саляхитдина Шамсутдинова Шарипова и дер. Зелевой Абадуллы Галикеева,

по личной просьбе, подписался Титулярный Советник Василий Капитонов Архангельский»²⁶. Добавим, что крестьяне в своих требованиях дошли до Сената, но им отказали, так как по договору 1713 г. они получили землю в оброк, а не в собственность и поэтому были «признаны припущенниками бывшего военного звания, а не вотчинниками»²⁷. Таким образом, во второй половине XIX в. татары-казакларовцы называли себя башкирами.

Подобных документов второй половины XIX в., вышедших из крестьянской среды, много, и в них, с нашей точки зрения, четко видно, кем считали себя сами жители. В приговоре сельского общества д. Байгильдиной за 1872 г. (тептяри в 1912—1913 гг., марицы в 1917 г.) значатся «ново-башкиры из черемис»²⁸, в документе 1863 г. от крестьян д. Батраково, что недалеко от с. Казанцево (видимо, Мало-Бадраково Калмыковской волости) — мишари и тептяри. В переписях 1912—1913 гг. и 1917 гг. сказано: «Владения бывших мещеряков и тептярей (а ныне башкирцев)»²⁹. В жалобе 1881 г. жители д. Мамадалино Асяновской волости (все — Бирский уезд) называли себя «припущенниками» из башкир³⁰ и т. д.

Еще раз повторимся, что именно этот процесс и зафиксировала перепись 1897 г. В том же 1897 г. местные статистики провели всестороннее обследование Бирского уезда, результаты которого были изданы в пятом томе «Сборников статистических сведений по Уфимской губернии» (Уфа, 1899). В приложениях к тому, в описаниях деревень указывается национальная принадлежность, как ее зарегистрировали земские переписчики. Их результаты точно совпадают с итогами всероссийской переписи: деревни Казакларово и Ново-Казакларово — «население — башкиры (мещеряки) — припущенники», д. Зейлево — «население — башкиры-припущенники (быв. военного звания)», Ново-Зейлево и Учпили — также башкиры³¹.

Отмена кантонной системы в 1863—1864 гг. и «тем самым упразднение как такового сословия тептярей»³² также способствовали восприятию самоназвания «башкиры» тюркским крестьянством северо-западной части Уфимской губернии. Название «башкир» вытеснило конкурирующее название «мишар, мещеряк». В значительной мере этому способствовало происходившее размежевание земель между вотчинниками и всеми остальными крестьянами, когда прощений, подобных казакларовскому о признании их собственниками земли, было много. Земельные и сословные привилегии башкир, сохранившиеся и после перевода их в общее гражданское состояние, память об историческом прошлом — среди всех народов Урала и Среднего Поволжья только они в феодальной России не попали в податное население, сберегли немалую внутреннюю автономию — также оказали воздействие. Вообще думаем, что вопросы национальной, социальной психологии здесь сыграли особую роль.

Одновременно подспудно нарастали противоположные процессы, которые резко активизировались в начале XX в. (видимо, большое значение оказала революция 1905—1907 гг.). За прошедшие полвека самоназвание «башкиры», давно утратившее всякий административный, сословный, практический смысл, стало выглядеть как архаичное напоминание о днях минувших. Для новых поколений крестьян — потомков бывших «припущенников» оно уже ничего не значило. Резкое ускорение общественного развития в эпоху буржуазных преобразований, рост национального самосознания, вызванный прогрессом в деле народного просвещения, распространение грамотности, все нарастающий поток в деревню книг и газет, формирование кадров национальной интеллигенции неминуемо должны были положить конец подобному неопределенному положению. Кроме того, примерно к 1900 г. в Уфимской губернии завершилось размежевание земли между вотчинниками и «припущенниками», были определены и юридически закреплены точные границы земельных владений деревень (общин). Для первой стадии капитализма в России была характерна тенденция утраты реального значения сословной принадлежности в гражданской жизни, что, вероятно, в определенной степени также повлияло на «разбашкиривание» крестьянства.

Это и зафиксировали переписи начала XX в. — численность башкир падает,

как уже отмечалось (см. табл. 2—4). Это был общий для Уфимской губернии процесс³³. И крестьяне упомянутых выше деревень Асяновской волости во время переписи 1912—1913 гг. назвали себя мишарями (оба Казакларово и Учпили), мишарями и тептярями (Зейлево, она же Татарские Киргизки), и лишь жители Ново-Зейлево (12 дворов) «остались» башкирами³⁴. По переписи 1917 г. они все мишари, а ново-зейлевцы осознали себя татарами.

Сопоставление материалов этих двух переписей (1912—1913 гг. и 1917 г.) дает массовые примеры «отказа» от самоназвания «башкиры»: деревни Аккузово, Турачино (Илишевская волость), Ново-Кузово (Кузовская), Абушахманово, Гумерово 2-е, Имай-Утарово, Карачаелга, Старо- и Ново-Ишметево, Ново-Янтузово, Старо-Карманово и прочие (Московская), Иштеряково, Норкино, Чишма (Норкинская волость) и другие Бирского уезда, Акташево, Кабаково, Киишки, Кулушево и прочие (Биш-Аул-Унгаровская волость), Асаново, Мамяково 2-е, Нурлино, Среднее и Нижнее Акбашево, Шарыпово 2-е (Шарыповская) и другие Уфимского уезда³⁵, а также многочисленные примеры по Белебеевскому уезду.

Однако «отток» из башкир, отказ от самоназвания «башкиры» в среде тюркского крестьянства Уфимской губернии приобрел своеобразные формы. Если даже в Казанском Поволжье крестьянство с трудом воспринимало этноним «татары», то в глухих, удаленных от основных экономических и культурных центров татарского народа сельских районах Уфимской губернии самоназвание «татары» тем более не получило широкого распространения. Это ярко показывает перепись 1917 г. Весьма часто национальность у отдельных пришлых, недавно поселившихся посторонних крестьян-татар в подворных карточках записывалась не просто «татары», а с добавлением территориально-земляческой принадлежности — «казанские татары». Подчеркивалось нездешнее происхождение крестьянина (Илишевская, Испайловская, Калмыковская³⁶ и другие волости).

Вероятно, в начале XX в. этноним «татары» относился вообще к неместному, пришлому мусульманскому населению, прибывшему достаточно издали, не из соседних деревень, хотя и не обязательно из Казанской губернии. Рассмотрим, например, Кызылъяровскую волость Бирского уезда. Во многих деревнях в 1917 г. там проживали отдельные семьи татар — Акбулатово (1 хозяйство), Ачуелга (1), Будзи-Варяшево (1), Гарейбашево (2), Кучашево (3), Кызылъярово (3), Сандыгучево (2), Ямады (1), ни в одной деревне татары не составляли большинства или сколько-нибудь заметной доли населения. Из пяти волостей, окружавших Кызылъяровскую волость, только в одной Ваныш-Алпаутовской волости были деревни, жители которых называли себя татарами (Верхне-Консуярово, Тойчубаево и тептяри-татары в трех деревнях). Трудно предположить, что в такую же патриархально-крестьянскую Кызылъяровскую волость происходила целенаправленная миграция из двух—пяти деревень. Скорее всего, татарами в Кызылъяровской волости именовались вообще пришельцы мусульмане.

Поэтому отказ от самоназвания «башкиры» не привел (и не мог привести) к массовому распространению этнонима «татары». Более того, перепись 1917 г. по всем трем уездам дает даже сокращение численности татар в сравнении с переписью 1912—1913 гг. Сопоставление данных двух этих переписей показывает нередкие примеры вытеснения названия «татары». Например, в Старо-Балтачевской волости Бирского уезда жители деревень Старо-Ямбаево и Султангулово перешли от самоназвания «татары» к «мишарам».

Смена самоназвания у крестьянства северо-западной части Уфимской губернии имела несколько вариантов. Во-первых, произошел естественный возврат к прежним этническим наименованиям (мари-черемисы, мишари). Следует отметить устойчивое состояние этнонима «мишар» в начале XX в., к которому вернулась основная часть мешеряков. В единичных случаях потомки татар-мишарей во время переписи 1917 г. вспомнили о своем происхождении из узко-региональных групп темниковских (тюмены, тумены в Каръявдинской и Тюрюшевской волостях Белебеевского уезда³⁷) и алатырских татар (алаторы — д. Муштафино Бишкаиновской волости Стерлитамакского уезда³⁸). Бытование данных

этнонимов среди татар Приуралья до 1920-х годов уже отмечалось в работах казанских историков³⁹.

Во-вторых, принципиально новым явлением, зафиксированным переписью 1917 г., стало появление самоназвания «мусульмане (магометане)». В трех волостях, расположенных недалеко друг от друга, опять-таки Каръявдинской волости Белебеевского уезда, соседней Исмаиловской и Кизганбашевской волостях Бирского уезда (иногда в небольшом количестве и в других), именно так назвала себя часть населения. Мусульманами также именовали себя небольшие группы татар и башкир, проживавшие среди русских, например, на железнодорожных станциях. Но в трех упомянутых выше волостях именно мусульманское крестьянство составляло абсолютное большинство. Мы не можем предложить исчерпывающее объяснение этому явлению, возможно, здесь присутствует несколько причин. Заметим только, что в Кизганбашевской волости мусульманами назвало себя в 1917 г. население мишарских по происхождению деревень Верхний Карыш и Зияликулево⁴⁰ (в 1912—1913 гг. они именовались башкирами). Может быть, «внезапное» появление мусульман в 1917 г.— это тоже возрождение архаичного этнонима поволжских тюрков «бесермяне (мусульмане)»? В начале XX в. самоназвание «мусульмане» встречалось и у других групп тюркоязычного населения, так, оно бытовало у литовских и сибирских татар, в 1930-е годы горьковские мишари называли себя мусульманами⁴¹.

Гипотетически предположим, что термин «мишар-мещеряк» в Башкирии отражал не только этническую, но и прежнюю территориально-земляческую принадлежность (типа казанцы). Кстати, уже в документах XVI—XVII вв. мишари значатся под собирательным именем «татары» («телмниковский татарин», «кадомский татарин»⁴². К началу XX в. на правобережье Волги название «мишар» оказалось практически полностью вытеснено самоназванием «татарин», а для некоторых групп этноним «мишар» был совершенно неизвестен⁴³. В научной литературе как исключение из правил отмечается то, что по переписи 1926 г. 61—62 тыс. человек в Пензенской губернии назвали себя «мишарями»⁴⁴.

Другим вариантом отказа от самоназвания «башкиры» явилась, говоря условно, «тептяризация». Среди большого числа бывших поволжских тюрков, забывших, утративших свои прежние «племенные» наименования, а также среди отатарившихся угро-финнов и башкир широкое распространение получает вновь возродившийся, но уже в качестве этнического, а не сословного самоназвания термин «тептярь». При слабом проникновении этнонима «татары» и отсутствии иных наименований именно слово «тептярь» становится в начале XX в. самоназванием татар северо-западной части Уфимской губернии и отатарившихся групп населения.

Переписи 1912—1913 гг. и 1917 г. показывают резкий рост численности тептярей. Например, в Бирском уезде к самоназванию тептяри перешли (вернулись) в 1917 г. крестьяне деревень Айбулак, Гутьбур, Кумалаково, Старо-Кудашево, Уракаево и других (Байгузинская волость), Тугаево, Утяганово (Бураевская), Гумерово 2-е, Ново-Янтузово, Старо-Карманово, Тоскаклы и других (Московская) и т. д. Процесс тептяризации захватил часть мишар, татар и проч. Так, именовавшие себя татарами по переписи 1912—1913 гг. крестьяне деревень Сейтяк 2-й (Норкинская волость), Буралы, Купырбаш, Ново-Буртюково (часть), Старо-Аткуль (часть) (Ново-Кайныльковская) в 1917 г. названы тептярями, много подобных примеров в Калмыковской волости, также марийцы из д. Бирюбаш (Ново-Троицкая) «перешли» в тептяри.

Рассмотрим подробнее Старо-Балтачевскую волость⁴⁵. В д. Старо-Балтачево к 1912 г. было две крестьянские поземельные общины — башкир-вотчинников и припущенников (мишари с 1793 г., тептяри с 1812—1815 гг.), которые, видимо, объединились в единое общество. По восьмой ревизии (1834 г.) все припущенники — мишари, в 1912—1913 гг. и, видимо, ранее — башкиры. В 1917 г. основная часть припущенников вернулась к самоназванию мишари, но в девяти семьях (35 человек) вдруг, через 100 (!) лет, вспомнили, что они тептяри. То же самое

было в д. Ново-Балтачево, где, кроме общины башкир-вотчинников, располагалась крестьянская община припущенников из тептярей (видимо, уже отатарившиеся марийцы) и мишарей, в 1912—1913 гг. все они были башкирами. В 1917 г. припущенники «разбежались» по разным национальностям: 60 домохозяев заявили, что они тептяри, 22 — мишари, а 3 назвались татарами. Аналогичная ситуация наблюдается и в д. Тошкур.

Вообще для тюркоязычных припущенников начала XX в. характерна неустойчивость этнических самоназваний. Перепись 1917 г. зафиксировала достаточно широкое распространение двойных (тептяри-татары), а то и тройных (башкир-тептярь-магометанин — в Тюрюшевской волости Белебеевского уезда) самоназваний. Отсутствие единого общепризнанного устойчивого названия вело к частым изменениям самоназваний. Например, в Старо-Балтачевской волости д. Султангулово была основана мишарями и тептярями на рубеже XVIII—XIX вв., по данным за 1859 и 1906 гг. все население — тептяри; в 1912—1913 гг. — татары, в 1917 г. — все мишари⁴⁶. В этой связи еще раз обратим внимание, что ни о каком самосознании здесь речи быть не может.

Кроме того, бывшие припущенники подвергались в начале XX в. пусть не такому сильному, но все же возрастающему воздействию крепнущего башкирского этноса. Анализ материалов переписи 1917 г., сравнение их с предыдущей переписью 1912—1913 гг., показывают, что процесс «отказа» от самоназвания «башкир» бывших припущенников, во-первых, еще далеко не закончился (особенно на юге, в Белебеевском уезде), во-вторых, часть населения, наоборот, принимала название «башкир». Так, в Бирском уезде большинство тептяро-башкирского (в 1912—1913 гг.) населения д. Казы-Ельдяк (Ельдякская волость) в 1917 г. указало национальность башкиры, жители д. Кипчаково (Илишевская) из татар «вернулись» в башкиры, то же в деревнях Бабаево, Сабаево (Мишкинская), Москово, Толбазы (Московская). Хотя несомненно ассимиляционные процессы имели место, этнографы, с нашей точки зрения, совершенно излишне говорят о какой-то «инкорпорации в состав башкир»⁴⁷. Перед нами в основном лишь смена самоназваний.

Если этническое самосознание различных групп припущенников северо-западной части Уфимской губернии было крайне неустойчивым, то для башкир-вотчинников, наоборот, характерно стабильное, прочное этническое самоназвание (и самосознание?). Сравнение материалов двух переписей крестьянских хозяйств (1912—1913 гг. и 1917 г.) по Бирскому уезду показывает единичные (всего 10) случаи изменения этнонима у вотчинников. В пяти деревнях — Итево и Старо-Тазеево (Исмаиловская волость), Большие Шады и Старо-Карагуш (Кизганбашевская), Ново-Багазы (Кубиязовская) — у вотчинников указана национальность мусульмане (то же наблюдалось в Каръявдинской волости Белебеевского уезда), в трех — Старо-Бикметево (Калмыковская), Султанаево (Киебаковская), Ново-Кайнлыково (той же волости) — татары, в двух небольших поселках Кубиязовской волости (Алексеевский, Ржанин) — русские (?). Причем практически у всех крестьян этих деревень сословие — башкиры-вотчинники. Возможно, процесс отатаривания затронул уже и деревни вотчинников, но в подавляющем большинстве общин башкир-вотчинников самоназвание (и, видимо, самосознание) «башкир» оставалось незбылемым. По переписи 1912—1913 гг. в этих шести волостях, где были деревни вотчинников с изменившимся в 1917 г. этнонимом, насчитывалось всего 82 общины вотчинников. Таким образом, смена самоназвания по данным только шести волостей охватила чуть более 10% общин (10 из 82), а в масштабах всего уезда вообще ничтожно малую величину, причем вотчинники д. Барьязыбаш Ново-Кайнлыковской волости в 1912—1913 гг. именовались татарами, а в 1917 г. вернулись к названию «башкиры». Даже в деревнях со смешанным населением вотчинники не меняли своего этнонима. Например, в д. Янбарысово Байгузинской волости было три крестьянские общины — вотчинников, припущенников и бывших государственных крестьян. В 1912—1913 гг. все они — башкиры. В 1917 г. припущенники «стали» тептярями, государственные

крестьяне — татарами, а вотчинники остались башкирами. Практически не было смены этнонима у башкир-вотчинников Белебеевского и Уфимского уездов.

Вотчинное право вплоть до 1917 г. — это сохранение для вотчинников определенных особенностей в законодательстве и, самое главное, унаследование очень больших земельных угодий (в 1917 г. башкиры-вотчинники, например, Бирского уезда владели 61% всех надельных земель⁴⁸), — а также исторические традиции и этнографические особенности «удерживали» башкирское самоназвание и самосознание.

Примечания

¹ Поуездные итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 57 губерниям и областям//Тр. ЦСУ РСФСР. М., 1923. Т. 5. Вып. 2.; Предварительные погубернские итоги Всероссийской сельскохозяйственной и поземельной переписи 1917 г. по 29 губерниям и областям. М., 1919.

² Поуездные итоги... С. 126—127, 129; Центральный государственный исторический архив (далее — ЦГИА РБ). Ф. Р. — 473. Оп. I. Д. 268—325, 327—388.

³ ЦГИА РБ. Ф.Р.-473. Оп. I. Д. 582.

⁴ В литературе существует, правда, упоминание каких-то итогов переписи 1917 г. Например, общую численность башкир «по переписи 1917 г.» определяют в 1 млн. 700 тыс. человек (Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. М., 1992. С. 271), ссылаясь на Н. В. Никольского. Это явное недоразумение, происшедшее, видимо, из-за года издания работ последнего, хотя Никольский вообще не указывает источников, а перепись 1917 г. ни разу даже не упоминает. См.: Никольский Н. В. Конспект по истории народностей Поволжья. Казань, 1919. С. 9; его же. Сборник исторических материалов о народностях Поволжья. Казань, 1919. С. 1.

Анализ цифровых данных Никольского показывает, что его материалы ни в коей мере и не могут быть какими-либо результатами переписи 1917 г. Так, например, мещераков у Никольского в четырех губерниях 40 тыс., тогда как только в Бирском уезде Уфимской губернии по подворным карточкам переписи 1917 г. мишарей 64 тыс. Тептярей у Никольского в пяти губерниях 140 тыс., а наш подсчет материалов переписи 1917 г. по трем уездам «дает» 274 тыс. Скорее всего, цифровые сведения Никольского — результат его собственных вычислений по различным источникам, всяческих коррекций с учетом прироста населения и т. д.

⁵ См.: Зиякаев Р. Сколько нас? Какие мы?...//Ваш собеседник. 1990. № 12. С. 41.

⁶ См.: Роднов М. И., Дудина О. И. Крестьянство Уфимской губернии в 1917 г.: Белебеевский уезд//Башкирский край. Уфа, 1991. Вып. I. С. 76.

⁷ См.: Мурзабулатов М. В. Национально-смешанные браки среди сельского населения РБ (1939—1980 гг.)//Современные этнические процессы в Башкортостане. Уфа, 1992. С. 120; Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья... С. 271; Асфандияров А. З. Семья и брак у башкир в XVIII — первой половине XIX в. Уфа, 1989. С. 30, 49. Хотя он также утверждает, что «смешанные браки не были характерны подавляющему большинству башкир» (С. 31); Исхаков Д. М. Историческая демография татарского народа (XVIII — начало XX в.). Казань, 1993. С. 91—92.

⁸ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. 45. Уфимская губерния. Тетр. 2. СПб., 1904. С. 40—41; Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. Подворная перепись 1912—1913 гг. Часть II. Табл. Уфа, 1914. С. 1824 — 1827, 1433—1435, 890—893; Наши подсчеты по переписи 1917 г. — Бирский уезд — см. сноску № 2, Белебеевский уезд (ЦГИА РБ. Ф.Р.-473. Оп. I. Д. 169—178, 180—228, 229 (Т. 1, 2), 230—267, 503, 518, 562), Уфимский уезд (ЦГИА РБ. Ф.Р.-473. Оп. I. Д. 188, 226, 242, 244, 399, 490, 491, 506, 507, 509—549, 550, две связи, 551—579).

⁹ Кузеев Р. Г. Народы Среднего Поволжья... С. 163. Не совсем понятно, когда автор на с. 270 критикует оппонентов, утверждающих, что «в составе башкир оказались якобы учтенными десятки и сотни тысяч татар и представителей других народов Среднего Поволжья», а на предыдущей странице указывается точная цифра такого «якобы учета».

¹⁰ Кузеев Р. Г., Моисеева Н. Н., Бабенко В. Я. Этнические процессы в новое и новейшее время//Этнические процессы в Башкирии в новое и новейшее время. Уфа, 1987. С. 37; См. также: Моисеева Н. Н. Расселение и численность башкир в XVII — начале XX в. Дис. ... канд. ист. наук. Уфа, 1985. С. 164 и др.; а также более ранние работы Р. Г. Кузеева.

¹¹ См.: Алишев С. Х. Исторические судьбы народов Среднего Поволжья. XVI — начало XIX в. М., 1990. С. 55—56; Халиков А. Х. Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978. С. 129; Халиков А. Х. Кто мы — болгары или татары? Казань, 1992. С. 49—60; Исхаков Д. М. Роль интеллигенции в формировании и современном функционировании национального самосознания татар//Современные национальные процессы в Республике Татарстан. Вып. II. Казань, 1994. С. 7—10; Исхаков Д. М. Историческая демография... С. 21.

¹² См. например: Асфандияров А. З. Семья и брак у башкир... С. 38; Исхаков Д. М. Историческая демография... С. 62.

¹³ История Башкортостана с древнейших времен до 1917 г. Ч. I. Уфа, 1991. С. 190.

¹⁴ Уфимские губернские ведомости. 1880. 24 мая.

- ¹⁵ Кузеев Р. Г., Моисеева Н. Н., Бабенко В. Я. Указ. раб. С. 37.
- ¹⁶ См.: Асфандияров А. З. История сел и деревень Башкортостана. Кн. 4. Уфа, 1993. С. 142, 149, 151.
- ¹⁷ Рахимов Р. Н. Тентяри Башкирии в XVII — 60-х годах XIX в. (социально-экономическое развитие). Дис...канд. ист. наук. Уфа, 1993. С. 73—82, 149.
- ¹⁸ Уфимские губернские ведомости. 1880. 24 мая.
- ¹⁹ К сожалению, до сих пор в общественно-популярной и научной литературе продолжается некорректное, без всяких комментариев, использование данных переписи 1897 г. «предпочтение» ее другим статистическим данным. См.: Алферова Е. Ю. Национальный состав населения Уфимской губернии в конце XIX века // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия. Уфа, 1993. С. 141—143; Калмантаев Н. М. Аграрно-национальный вопрос в Башкирии в конце XIX — начале XX в. // Социально-политические и этнодемографические процессы на Южном Урале XVIII—XX вв. Уфа, 1992; С. 94; Касымов С. Ф. Национально-государственное строительство на Южном Урале в 1917—1920 гг. // Там же. С. 108—109; История Башкортостана... С. 262. Р. З. Янгузин и другие подчеркивают: «Считающих, что они говорят на башкирском языке» (Янгузин Р. З. Хозяйство башкир дореволюционной России. Уфа, 1989. С. 135). Соответствующая графа в издании переписи 1897 г. выглядит так: «Распределение населения по родному языку» (Первая всеобщая перепись. С. 40—41).
- ²⁰ ЦГИА РБ. Ф.И-10. Оп. I. Д. 1324. Л. 424—425.
- ²¹ Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. С. 1086.
- ²² Там же. Л. 426.
- ²³ См. там же. Д. 1431.
- ²⁴ Список населенных мест Российской империи по сведениям 1870 г. Т. 45. Уфимская губерния. СПб., 1877. С. 83—84.
- ²⁵ ЦГИА РБ. Ф.И-10. Оп. I. Д. 1381. Л. 107.
- ²⁶ Там же. Д. 1324. Т. 2. Л. 427 об.
- ²⁷ Там же. Л. 480.
- ²⁸ Там же. Д. 1323. Л. 18.
- ²⁹ Там же. Л. 144.
- ³⁰ Там же. Д. 1366. Т. I. Л. 111.
- ³¹ Сб. статистических сведений по Уфимской губернии. Т. V. Бирский уезд. Уфа, 1899. С. 43, 57—58.
- ³² Рахимов Р. Н. Указ. раб. С. 65.
- ³³ См.: Кузеев Р. Г., Моисеева Н. Н., Бабенко В. Я. Указ. раб. С. 27; см. также работы Р. Г. Кузеева.
- ³⁴ Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. С. 1086.
- ³⁵ Там же. С. 1070—1334 (Бирский уезд), 582—813 (Уфимский уезд); ЦГИА РБ. Ф.Р-473. Оп. I. Д. 311—313, 339—341, 352—359, 511—512, 575—577.
- ³⁶ ЦГИА РБ. Ф.Р-473. Оп. I. Д. 311—317, 319—323.
- ³⁷ См.: Роднов М. И., Дудина О. И. Указ. раб. // Башкирский край. Вып. 2. Уфа, 1992; Вып. 5. Уфа, 1995.
- ³⁸ ЦГИА РБ. Ф.Р-473. Оп. I. Д. 448.
- ³⁹ См.: Хайрутдинова Т. Х. Говор златоустовских татар. Казань, 1985. С. 10; Исхаков Д. М. Историческая демография... С. 49, 102.
- ⁴⁰ См.: Асфандияров А. З. История сел и деревень Башкортостана. Кн. 3. Уфа, 1993. С. 144, 148.
- ⁴¹ Исхаков Д. М. Историческая демография... С. 21, 22, 31, 49.
- ⁴² Мухамедова Р. Г. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. М., 1972. С. 18.
- ⁴³ Там же. С. 31 (сн. 74); Исхаков Д. М. Историческая демография... С. 100.
- ⁴⁴ Исхаков Д. М. Историческая демография... С. 49, 100.
- ⁴⁵ См.: Асфандияров А. З. История сел и деревень... С. 120—123; Крестьянское хозяйство Уфимской губернии. С. 1302, 1310; наши данные.
- ⁴⁶ Асфандияров А. З. История сел и деревень... С. 139; наши данные.
- ⁴⁷ Кузеев Р. Г., Моисеева Н. Н., Бабенко В. Я. Указ. раб. С. 37.
- ⁴⁸ ЦГИА РБ. Ф.И-148. Оп. I. Д. 174. Л. 37.

The number of Turkic peasants in the Ufa region at the beginning of the XX century

The author makes comments on the data of the Russia's censuses of 1897 and 1917. On the basis of these materials he analyses some disputable problems of ethnic development of Bashkirs and Tatars of the South Ural region on the edge of the XIX and XX centuries.

M. I. Rodnov